

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

УДК: 81'23

Пищальникова В.А.

Актуальные проблемы этнопсихолингвистики¹

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, pishchalnikova@mail.ru*

Аннотация. Автор акцентирует основные теоретические постулаты современной отечественной этнопсихолингвистики: национальная культура существует в ментальной, предметной и деятельностной формах; ментальные составляющие национальной культуры принципиально не могут быть «перекодированы» адекватно; национально-культурная специфика сознания социума специфически обнаруживается в речевой деятельности, репрезентирующей когнитивные структуры и механизмы смыслообразования, свойственные данной культуре. Исходя из этого автор формулирует несколько фундаментальных проблем этнопсихолингвистики, связанных с исследованием национально-культурной вариантности когнитивной и коммуникативной сторон речевой деятельности. Автор считает необходимым разработать методику анализа речевого действия как репрезентанта (культурного) знания. Это позволит эффективно использовать теорию речевой деятельности для обоснования когнитивного использования языка.

Ключевые слова: этнопсихолингвистика; межкультурная коммуникация; методология; речевое действие; языковое сознание; образ мира.

Pishchalnikova V.A.

Actual Issues of Ethnopsycholinguistics

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, pishchalnikova@mail.ru*

Abstract. The author underlines the main theoretical postulates of contemporary Russian Ethnopsycholinguistics: national culture exists in mental, objective and activity forms; mental components of a national culture cannot be “transcoded” adequately in principle; national and cultural specificity of the social consciousness specifically manifests itself in speech activity that represents cognitive structures and mechanics of meaning formation that are specific of a certain culture. Based of this the author formulates several fundamental issues of Ethnopsycholinguistics that relate to research of national and cultural variance of cognitive and communicative aspects of speech activity. The author believes that it is necessary to develop

¹© В.А. Пищальникова, 2018

methodology for analysis of a speech act as a representation of (cultural) knowledge. This would facilitate using speech activity theory for grounding of cognitive usage of a language.

Keywords: ethnopsycholinguistics, intercultural communication, methodology, speech act, language consciousness, image of the world.

В современном отечественном языковедении в этнопсихолингвистике сложился свой специфический предмет исследования – национально-культурная вариантность когнитивной и коммуникативной сторон речевой деятельности, которая реализуется в «а) речевых операциях, речевых действиях и целостных актах речевой деятельности; б) языковом сознании, т.е. когнитивном использовании языка и функционально эквивалентных ему других знаковых систем; в) в организации (внешней и внутренней) процессов речевого общения» [Леонтьев, 1997, с. 192]. При этом теоретические основы направления активно формируются, опираясь на классическую теорию речевой деятельности А.А. Леонтьева с привлечением некоторых существенных положений когнитивной психологии, в которой акцентируются культурологически обусловленные когнитивные структуры, репрезентированные в языке; лингвокультурологии, исследующей отражение, фиксацию, способы экспликации культуры в языке и трансляции ее через язык; социологии, в частности, представления о социальной дифференциации языка; этнопсихологии с ее вниманием к психологии межэтнических отношений и др.

Термин «этнопсихолингвистика», возникший в рамках отечественного языковедения, акцентирует междисциплинарность направления, объединяющего разноаспектное изучение речевой деятельности как одного из видов психической деятельности человека в аспекте ее национально-культурной вариантности.

Вообще специфика этнической психики имеет давние традиции изучения в социологии, истории, психологии, философии и осуществляется в рамках различных научных подходов: экологического,

антропологического, генетического, эволюционного, физиологического, социально-культурного и др. (см. об этом [Павленко, Таглин, 1993]). Эта специфика в различных модификациях представлена в психологии народов (М. Лацарус, Г. Штейнталь, В. Вундт), психологической антропологии / этнопсихологии (от Т. Рибота и В. Вундта до Р. Бенедикт и М. Мид), сравнительно-культурной психологии (см. в [Стефаненко, 1999]), культурной, или кросс-культурной психологии (Г. Хофстеде, П. Экман, У. Фризен и др), социальной антропологии и ряде других научных направлений, частично пересекающихся с этнопсихолингвистикой по своей проблематике, но отличающихся объектом и предметом исследования.

С исторической и фундаментально-теоретической точки зрения для этнопсихолингвистики особое значение имеет концепция А.А. Потебни, который анализирует эволюцию «умственных» структур индивида, формирующихся благодаря усвоению языка и его внутренней формы [Потебня, 1989].

Для этнопсихолингвистики важнейшими теоретическими постулатами являются следующие: (1) национальная культура существует в ментальной, предметной и деятельностной формах; (2) ментальные составляющие национальной культуры принципиально не могут быть «перекодированы» адекватно; (3) национально-культурная специфика сознания социума специфически обнаруживается в речевой деятельности, репрезентирующей когнитивные структуры и механизмы смыслообразования, свойственные данной культуре. Все эти постулаты по сути направлены на исследование национально-культурной детерминации образа мира (А.А. Леонтьев), что и определяет тематику современных работ.

Обязательная и необходимая часть любой научной парадигмы — адекватные объекту методы исследования и концептуальный аппарат, обладающий необходимой объяснительной силой. Активное их

формирование осуществляется в рамках современной психолингвистики. Вместе с тем во многих работах наблюдается реальное отхождение от принципов теории речевой деятельности А.А. Леонтьева, когда на деле анализируется не речевое *действие*, а *языковые знаки*, устойчиво коррелирующие, по мнению части исследователей, с одной стороны, с некими «компонентами» образа мира, с другой – с реалиями действительности. При этом чаще всего интерпретируется содержание лексем, получаемых в качестве реакций в свободном ассоциативном эксперименте, не как знаков определенных личностных смыслов, а как *языковых единиц*, и это содержание далее приписывается компонентам «образа мира». Опорой интерпретации, как правило, являются словарные дефиниции и частично – данные культурологического характера.

Реальным препятствием к началу практического изучения вербальной пары стимул-реакция как речевого *действия* является несколько причин. Во-первых, нет достаточно разработанных процедур анализа речевого действия вообще, поэтому зачастую исследователи принимают ряд допущений, которые позволяют напрямую связывать вербальную реакцию с содержанием образа сознания (конструкта скорее операционального, чем содержательного характера). Исключение здесь составляют немногочисленные работы, например: [Панарина, 2017]. Во-вторых, таким препятствием является по сути принципиальный отказ от системного исследования единичных реакций, полученных в ассоциативном эксперименте. Но именно в этих единичных реакциях в большей степени фиксируются способы вербального представления присвоенного психологического значения, способы действия со словом, в том числе и национально специфичные.

В-третьих, вербальные ассоциации, служащие материалом для суждения о языковом сознании, отражают прежде всего ассоциативные связи лексических единиц и лишь указывают на лексическую единицу, *как-то* соотносимую с содержанием образа сознания. Задача психолингвиста –

определить характер этого соотношения, характер действия со словом (языком), определить, каким способом в связи стимул – ассоциат отражается превращение одной формы психологического значения в другую – языковую. Слово при этом может (и должно) рассматриваться как «компонент» определенного образа сознания (представленный в нем специфическим образом), но содержание образа сознания не может быть равно слову (ассоциату), и для выявления этого содержания необходимы особые методики исследования связей между стимулом и ассоциатом. Пока же эта связь чаще всего интерпретируется как отношение двух лексических единиц – единиц языка. Характеристика этого отношения рассматривается – на наш взгляд, абсолютно неправомерно – как характеристика составляющих образа сознания. Может быть, такая экстраполяция имеет право на существование, однако в этом случае необходимо глубже исследовать отношения между языковым и другими типами психологического значения. На практике это означает необходимость верификации данных ассоциативного эксперимента другими методами.

Фактически это связано с основной проблемой когнитивной науки – проблемой категоризации и концептуализации мира, осуществляемых в когнитивной, в том числе речевой, деятельности человека. Необходимость уточнения параметров конструкта «ассоциативное поле», таким образом, очевидна. Понимание этого может инициировать создание приемов анализа образов сознания в единстве их концептуальных, перцептивных и процедурных характеристик.

Вторая серьезная методологическая проблема – не всегда корректное использование базовых понятий психологии и психолингвистики: «образ мира», «языковое сознание», «образ сознания», о чем мы уже неоднократно писали [Пищальникова, 2010, 2012, 2013]. Языковое сознание чаще трактуется как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и

устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов, 2000, с. 26], т.е. только та часть сознания, которая овнешнена в языковых единицах и их системах. В соответствии с таким определением вербальная память как свойство психики человека может «отражаться» в сознании, ментально репрезентироваться, но способы этой репрезентации также не известны и могут только более или менее аргументированно моделироваться. Известно, что основная задача исследования моделей репрезентации – установление принципов организации знаний в них. Однако в исследовании ассоциативного поля эта задача часто подменяется «качественной характеристикой образов сознания, стоящих за словом» (принципы которой не определены), а по сути, анализом лингвистической семантики слов-ассоциатов.

Таким образом, разрыв между требованием теории и реальной практикой исследования объясняется, прежде всего, отсутствием необходимых разработанных методик исследования не только национально специфичного, но и речевого действия вообще. Отсюда актуальными для современной этнопсихолингвистики можно считать следующие теоретические задачи: систематизация терминологии в рамках принятой методологии в соответствии с базовой теорией; формирование специфических способов исследования объекта; расширение экспериментальных методов исследования этнической детерминированности речевой деятельности; разработка специфических методов исследования на базе категории языковое сознание; установление роли речевой деятельности в становлении и трансформации культуры, отражение специфики национальных культур в речевой деятельности индивида; определение способов действия со словом в разных культурных сферах (проблема дискурсивных практик); выявление отражения характера межэтнических отношений в речевой деятельности; исследование вербальных и невербальных словарей и грамматик этнического поведения; изучение

генезиса и взаимосвязей семантики национально-культурно специфичных значений и др.

Такое разноаспектное рассмотрение речевой деятельности позволяет выйти на решение многих важнейших междисциплинарных проблем, связанных с национально-культурной спецификой социума/этноса: сущностные свойства менталитета, принципы и способы его моделирования; психолингвистические основы взаимодействия/взаимовлияния менталитетов; выработка адекватных комплексных методов исследования менталитета и многих других.

Одновременно решение перечисленных проблем инициирует развитие собственно этнопсихолингвистических методов и приемов анализа материала и способствует созданию необходимых обобщающих теорий.

При этом в силу своего интегративного характера этнопсихолингвистика должна осуществлять методологическую обработку используемых ею понятий и терминов, что позволило бы строить более аргументированные модели национально-культурного дискурса. Например, нам представляется весьма продуктивным понимание дискурса как совокупности специфических способов действия со словом (Ю.С. Степанов, П. Серио и др.). Оно может способствовать выявлению сущности национально-культурной вариантности речевой деятельности и установлению закономерностей реализации национально специфичных способов представления образов сознания в языке.

Еще одна важнейшая проблема этнопсихолингвистики – отношение языка и среды его функционирования – культуры. По А.Н. Леонтьеву, субъект не просто противопоставлен действительности, среде – он переживает эту действительность, действует по отношению к ней и потому обнаруживает себя как существо сознательное [Леонтьев, 1975]. И если сделать предметом анализа отражение национально-специфических компонентов культуры в речевой деятельности, которые могут быть

выделены в любом из социальных видов среды как лингвокультурной общности, то тогда язык рассматривается как средство фиксации и обнаружения культуры, форма представления культуры, но не приравнивается к ней.

Тогда появляется возможность отойти от традиционных представлений о способах «отражения» национально-культурной специфики сознания в языке, прежде всего в лексике. Обычно считается, что культурная «информация» может быть представлена в номинативных единицах языка четырьмя способами: в культурных семах, через культурный фон, в культурных концептах и в коннотациях. Поэтому семантика лексической единицы изучается со стороны (1) наличия в ее структуре так называемых национально специфичных семем (в случаях полной безэквивалентности лексем); (2) наличия концептуальной специфики лексемы (при обнаружении смысловых лакун между языками и в случае обнаружения отличий в оценочном и эмоциональном компонентах семантической структуры слова); (3) национально специфичной стилистической дифференциации лексики; (4) собственно языковых отличий между единицами двух языков, связанных с исторически сложившейся структурой языков и не связанных с культурой или особенностями мышления народа. Но в этом случае не учитывается, как правило, многообразие факторов, влияющих на этнически специфичную речевую деятельность, не вскрываются механизмы, лежащие в основе такой деятельности, и, таким образом, вопрос о специфике речевой деятельности того или иного этноса остается открытым, поскольку специфичность речевого действия не рассматривается. Значит, нужна интегративная методология, которая акцентирует исследование принципиально динамического объекта и которую постепенно создает этнопсихолингвистика, методологически приспособлявая к своему предмету понятия «национальное (этническое) сознание», «национальный (этнический) компонент сознания», «национальная (этническая) картина

мира», «менталитет», «ментальность» и др. Именно характер действия с «культурными элементами» может дать представление о национальной специфике сознания: в универсальной структуре деятельности каждое действие, в том числе и речевое, получает свое значение в зависимости от условий протекания и целей деятельности, а значит, национально специфичное содержание речевого действия может возникать в деятельности, в действовании с элементами, а не быть изначально присущим этому элементу.

Отсюда возникает возможность нового решения еще одной сложнейшей проблемы методологии этнопсихолингвистики – установление видов и способов трансляции культуры в речевой деятельности.

Ю.А. Сорокин сформулировал основные этнопсихолингвистические принципы исследования культурных констант, отметив, что в процессе межкультурной коммуникации «свой» и «чужие» когнитивные, эмотивные и аксиологические установки и стереотипы вступают в конфликт, поэтому межкультурное общение – это «оппозитивный диалог сознаний» [Сорокин, 1994]. Поэтому необходима разработка эффективной межкультурной коммуникативной модели, отражающей закономерности формирования и функционирования культурно специфичной информации, на базе основного «культурного принципа» [Степанов, 2005] – противопоставления свой – чужой. Сделать это без учета национальной специфики речевого действия очень трудно. А она постепенно выясняется при изучении значимости различий между универсальным и этническим (национальным) в речевой деятельности и содержании образов мира носителей той или иной культуры; соотношения универсального, этнического и индивидуального в речевой деятельности и содержании образов мира носителей разных культур; отличия межкультурной коммуникации от коммуникации в монокультурной среде; способов устранения смысловых «лакун» в процессе межкультурной коммуникации и др.

Весьма актуальной и перспективной для решения этнопсихолингвистических проблем представляется мысль о языке как системообразующем специфическом признаке этноса и маркере этнопсихологического типа, поскольку язык – это условие, способ существования культуры, одновременно ее часть и продукт. И этнопсихолингвистика выдвигает ряд серьезных доводов для аргументации этого положения. Часто этнодифференцирующий и этноидентифицирующий характер языка связывают со сравнительным изучением паремического и фразеологического фондов языка, ссылаясь на высказывание А.А. Потебни о том, что этническая специфика состоит не в том, *что* выражается, а в том, *как* выражается. Но в контексте теории значения А.А. Потебни это *как* актуализирует специфику внутренней формы слова и потому связывается с глубинными ментальными процессами и их представлением в языковых формах. По А.А. Потебне, объективное значение слова – это «та форма, в которой нашему сознанию представляется содержание мысли» [Потебня, 1989, с. 98]. Оно не существует без опоры на этимологическое значение – стабильный внутренний признак («внутреннюю форму»), конституирующий структуру «объективного значения», представленного в системных связях слова. «Внутренняя форма есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, *как* представляется человеку его собственная мысль» [Потебня, 1989, с. 98]. Такое отношение в конкретной речевой деятельности проявляется во взаимодействии ее мотива, познавательного актуального признака объекта, в том числе и ассоциативного, акустического образа и акустической оболочки слова, которая, ассоциативно интегрируя все компоненты, объективирует их. Поэтому внутренняя форма слова в процессе коммуникации может варьировать, приводя к динамическим процессам в структуре значения: «никто не думает при слове именно того, что другой»; «всякое понимание есть

вместе непонимание»; «при понимании мысль говорящего не передается слушающему; но последний, понимая слово, создает свою мысль, занимающую в системе, установленной языком, сходное с местом мысли говорящего. Думать при слове именно то, что думает другой, значило бы перестать быть самим собой. Поэтому понимание в смысле тождества мысли в говорящем и слушающем есть такая же иллюзия, как и та, в силу коей мы принимаем собственные ощущения за внешние предметы» [Потебня, 1989, с. 138]. Отсюда вытекает, что динамика значения как познавательной структуры принципиально обусловлена связями самих компонентов этой структуры, а не характером референциальных связей единиц языка. Последние, конечно, могут стать толчком к изменению значения слова, но сам характер изменения будет зависеть от внутренней мотивации процесса речесмыслопорождения индивида. Таким образом, концепция А.А. Потебни позволяет представить значение как устойчивую, принципиально динамичную структуру, реализующую определенный способ познания действительности и потому задающую определенный способ понимания слова.

Но при исследовании сущности этногенетического типа ученого прежде всего интересует репрезентированная в языке когнитивная / познавательная специфичность мышления этноса — та совокупность базовых понятий и ценностей, которая характерна именно для этого этноса. И потому следует четко разграничивать сущностные и случайные результаты познавательной деятельности, зафиксированные в том или ином национальном языке. Неразличение их приводит, на наш взгляд, к серьезным искажениям при моделировании содержания картин мира этносов. Так, изучение фразеологии (что чрезвычайно популярно в сопоставительных исследованиях) основывается на убеждении, что это область языковой системы, в которой наиболее ярко представлены национальные особенности этноса. Но это может быть отнесено далеко не

ко всему фразеологическому составу национальных языков, особенно если учесть исторические пути их формирования и взаимодействия с другими. Например, типичная познавательная структура может быть реализована с учетом культурных, географических, природных факторов, которые выступают как случайные, не определяющие сути ментальной структуры: *пуганая ворона куста боится / обжегшись на молоке, дуют на воду / пуганая собака всю ночь лает (бур.) / ужаленный змеей пугается пальмового листа (суахили) / после укуса змеи убегаешь и от лягушки (крио) / поскользнувшийся на арбузной коке обходит кожуру кокоса (вьет); всяк кулик свое болото хвалит / каждая лиса своим хвостом гордится (груз., туркм.) / каждому ишаку свой рев нравится (турецк.); не дал аллах рогов черепахе / бодливой корове бог рогов не дает; заклинатель змей от укуса змеи умирает (хинди) / сапожник без сапог/верблюды золото везет, а колючки грызет (узбек.); не все коричневое – финик (арабск.) / не все то золото, что блестит; где много поваров, там подгорает плов (араб.) / у семи нянек дитя без глазу. Познавательные модели, лежащие в основе этих и массива других фразеологизмов, не уникальны, вплоть до тождественности их коннотативного компонента. Они демонстрируют универсальные способы представления знаний в языке и сходство осмысления познаваемого. Такие фразеологизмы не являются культурно специфичными; они могут дать важные сведения этнографу, географу, даже биологу, но не лингвисту, устанавливающему вариативность когнитивной и коммуникативной сторон речевой деятельности. Следовательно, этнопсихолингвиста интересуют прежде всего языковые единицы, фиксирующие уникальные представления, понятные носителю определенной лингвокультуры, но не доступные без специальных разъяснений носителям иных культур. Именно они могут рассматриваться как единицы, отражающие специфику внутренней формы того или языка. То, в каких конкретных лексемах реализуется познавательная модель,*

существенно лишь для системы данного языка, но не для определения специфики этногенетического типа. При этом, естественно, не исключается необходимость установления универсальных способов представления познавательных структур, что также требует серьезного исследования внутренней формы слова. Так, часто представляемые как национально специфичные, следующие фразеологизмы оказываются кальками и полукальками с немецкого и французского языков: *играть в прятки, как рыба в воде, гоняться за двумя зайцами, дать честное слово, заложить фундамент, заморить червячка, намылить шею/голову, брать быка за рога, вставлять палки в колеса, покупать kota в мешке, в порядке вещей* и др. [Шанский, 1996]. (К этому же ряду языкового материала можно отнести безэквивалентные устойчивые сочетания типа *город на Неве, лишние люди, столбовые дворяне, стенная газета, Доска почета*, которые не свидетельствуют о специфике внутренней формы языка).

На наш взгляд, в современной этнопсихолингвистике может продуктивно использоваться идея Л.С. Выготского об опосредовании психической деятельности психологическими орудиями. Психологическое орудие деятельности лингвиста — значение, но слово — это новый, специфически человеческий способ опосредования действительности, с помощью которого осуществляется познавательная деятельность субъекта, опирающаяся на опыт социума, фиксированный в слове. Следовательно, проблема национальной специфики ментальности может решаться на базе изучения моделей языка, закрепляющих специфические типы деятельности этноса: одним и тем же опытом, одним и тем же знанием можно овладеть в форме различных значений, но значение может представлять и специфическое знание. Тогда возможно активное использование положений психолингвистики о том, что конкретные формы деятельности этнических групп различаются содержанием опосредующих психологических звеньев (спецификой ассоциативной

сети), спецификой процессуальной стороны деятельности (иерархией компонентов деятельности), ее операциональным составом (характером навыков, умений) (О психолингвистическом содержании способов фиксации деятельности в языке см., например: [Пищальникова, 2009]). Таким образом, только в том случае, когда язык отражает типовую специфику познания, а не просто какие-то внешние культурные знания, он может стать средством моделирования ментальности этноса.

Большое количество вопросов связано с методикой проведения психолингвистических экспериментов начиная от принципов отбора стимулов для проведения ассоциативного эксперимента и заканчивая необходимостью верификации полученных данных в других видах экспериментов. «Хорошо известно, что психолингвистический эксперимент – многофакторное явление, которое зависит от условий его проведения, временной и пространственной локализации экспериментального процесса, личности (даже внешности экспериментатора), индивидуальных характеристик (пола, темперамента, когнитивного опыта, интеллектуального стиля) информанта и стратегии его реакций, успешности взаимодействия экспериментатора и испытуемого, а также дескриптивных потенций индивида и их скоординированности с когнитивными процессами» [Трофимова, 2006, с. 304].

Все сказанное требует создания целенаправленной программы сопоставительных этнопсихолингвистических исследований, которую мы попытаемся обосновать и сформулировать на страницах нашего журнала, а также серьезных теоретических обобщений.

Список литературы

1. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М., 1997. – 287 с.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975. – 304 с.

3. Павленко В.Н., Таглин С.А. Факторы этнопсихогенеза. – Харьков, 1993. – 366 с.
4. Панарина Н.С. Психолингвистическое моделирование механизма прецедентности: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2017. – 238 с.
5. Пищальникова В.А. В продолжение «Скорбного списка», или Кто вложил бритву Оккама в руку аспиранта // Мосты, 2013. – С. 67-77.
6. Пищальникова В.А. К характеристике методологии современной лингвистики // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты. – М., 2010. – Вып. 16. – С. 169-175.
7. Пищальникова В.А. О содержании базовых терминов в современной отечественной психолингвистике // Вестник ТверГУ. Серия Филология. 2011. № 4. – С. 106-116.
8. Пищальникова В.А. Принципы выявления вербальной маркированности этногенетического типа // Горизонты психолингвистики. Материалы междунар. научно-практ. конф., посвященной 80-летию А.А. Залевской. – Тверь, 2009. – С. 220-228.
9. Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Слово и миф. – М., 1989. – 624 с.
10. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (Теоретические и экспериментальные фрагменты). – Самара: Русский лицей, 1994. – 94 с.
11. Степанов Ю.С. Изменчивый образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца 20 века. – М.: ИЯ РАН, 2005. – С. 7-34.
12. Степанова О.В. Особенности языкового сознания немцев и русских (на материале семантического поля «Работа»: Дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГЛУ, 2006. – 168 с.
13. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: ИП РАН, Академический проект, 1999. – 320 с.
14. Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 24-32.

15. Трофимова У.М. К вопросу о методологии психолингвистических экспериментов // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. Тезисы докладов XV Междунар. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М.: ИЯ РАН, РосНОУ, 2006. – С. 303-304.
16. Шанский Н.М. Русские национально маркированные фразеологические обороты // Русский язык в школе, 1996. № 2. – С. 72-76.

References

1. Leont`ev A.A. Osnovy` psixolingvistiki. Moscow, 1997. 287 p.
2. Leont`ev A.N. Deyatel`nost`. Soznanie. Lichnost`. Moscow, 1975. 304 p.
3. Pavlenko V.N., Taglin S.A. Faktory` e`tnopsixogeneza. Har`kov, 1993. 366 p.
4. Panarina N.S. Psixolingvisticheskoe modelirovanie mexanizma precedentnosti: Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2017. 238 p.
5. Pishhal`nikova V.A. V prodolzhenie «Skorbnogo spiska», ili Kto vložil britvu Okkama v ruku aspiranta // Mosty`, 2013. P. 67-77.
6. Pishhal`nikova V.A. K xarakteristike metodologii sovremennoj lingvistiki // Yazy`kovoe by`tie cheloveka i e`tnosa: kognitivny`j i psixolingvisticheskij aspekty`. Moscow, 2010. Vol. 16. P. 169-175.
7. Pishhal`nikova V.A. O sodержanii bazovy`x terminov v sovremennoj otechestvennoj psixolingvistike // Vestnik TverGU. Seriya Filologiya, 2011. № 4. P. 106-116.
8. Pishhal`nikova V.A. Principy` vy`yavleniya verbal`noj markirovannosti e`tnogeneticheskogo tipa // Gorizonty` psixolingvistiki. Materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj 80-letiyu A.A. Zalevskoj. Tver`, 2009. P. 220-228.
9. Potebnya A.A. My`sl` i yazy`k // Potebnya A.A. Slovo i mif. Moscow, 1989.

10. Sorokin Yu.A. E`tnicheskaya konfliktologiya (Teoreticheskie i e`ksperimental`ny`e fragmenty`). Samara: Russkij licej, 1994. 94 p.
11. Stepanov Yu.S. Izmenchivy`j obraz yazy`ka» v nauke XX veka // Yazy`k i nauka koncza 20 veka. Moscow: IYa RAN, 2005. P. 7-34.
12. Stepanova O.V. Osobennosti yazy`kovogo soznaniya nemcev i russkix (na materiale semanticheskogo polya «Rabota»). PhD. Thesis in philology. Moscow: MGLU, 2006. 168 p.
13. Stefanenko T.G. E`tnopsixologiya. Moscow: IP RAN, Akademicheskij proekt, 1999. 320 p.
14. Tarasov E.F. Aktual`ny`e problemy` analiza yazy`kovogo soznaniya // Yazy`kovoe soznanie i obraz mira. Moscow: IYa RAN, 2000. P. 24-32.
15. Trofimova U.M. K voprosu o metodologii psixolingvisticheskix e`ksperimentov // Rehevaya deyatel`nost`. Yazy`kovoe soznanie. Obshhayushhiesya lichnosti. Tezisy` dokladov XV mezhdunarodnogo simpoziuma po psixolingvistike i teorii kommunikacii. Moscow: IYa RAN, RosNOU, 2006. P. 303-304.
16. Shanskij N.M. Russkie nacional`no markirovanny`e frazeologicheskie oboroty` // Russkij yazy`k v shkole, 1996. № 2. P. 72-76.